

«Меня уже тошнит от собственной осторожности»

Два незнакомых человека встречаются на пятнадцать минут. Причем за это время один должен рассказать другому, чем он живет. Просто потому, что «другой» работает в газете. Бредовая ситуация. Странно, что не задумывалась об этом раньше. До встречи с Земфирой.

Юлия АЛЕКСАНДРОВА

Впрочем, она сама выбрала такую схему. Вышел сингл после месяцев ее молчания. Пора что-то рассказывать. Пресс-конференции, по ее словам, — бред еще больший. Земфира вскакивает со стула: «Сидят человек сорок, смотря... Вору ют вопросы друг у друга, спрашивают не для того, чтобы спросить, а чтобы повыпендриваться. А артист, как воробей, должен им начирикать обо всем понемножку».

На втором этаже клуба «Дом» прохладно. Земфира сидит в пальто и мерзнет. Еще одна звезда, радиодиджей и по совместительству пресс-секретарь Рита Митрофанова приносит шарф и хочет закутать звезду номер один. Земфира отказывается: «Умоляю тебя!» Тогда Рита предлагает сколько-то капель коньяка. Земфира не отказывается. Я вдруг понимаю, что на ее месте тоже не отказалась бы, даже если бы не мерзла. По очереди рассказывать незнакомым людям о себе — все равно что оказаться в пробке с навязчивым болтливым таксистом, которому очень интересно знать, сколько у тебя детей, как ты живешь с мужем, кем работаешь и с кем развлекаешься. Такому «таксисту» хочется нахамить и выйти вон из машины. Но... пробка!

Кто придумал, скажи, эти пробки? В переулках зима затаилась и ждет:

что же будет? Мы с тобой в железной коробке. И давно не любим.

Просто чем-то похожие люди... Новый сингл и клип Земфиры, кстати, называется «Трафик».

— Знаешь, новый клип мне понравился... — А песня — не очень? Все заходит и говорят: «Кстати, клип мне очень понравился», и никто не говорит, что понравилась песня. Ну ниче.

— Если бы песня была на твоей второй пластинке, я бы ее, так скажем, не выделила.

— Тебе это кажется.

— Может быть. А что с альбомом? — Большая часть записана. Надеюсь, к январю закончим. И в самом начале будущего года выпустим.

— Мне кажется, что, раскручивая первую пластинку и Земфиру вообще, твои промоутеры переборщили. В эфире по очереди появилось слишком много хитов. Один за другим. Потом появился второй альбом, и Земфиры в эфире стало так много, что даже любимые песни слушать уже не хотелось.

— Предлагаешь писать «не хиты»? Вообще это очень странное для меня понятие — раскручивать песню. Я, как и любой музыкант, пишу альбом. Один хит, два хита — это они там, на радиостанциях, решают. Поэтому когда приходит момент выбирать песню, мне трудно выделить какую-то одну из пластинок. Почему выбрала «Трафик»? Она — такая бодренькая, на альбоме всего две такие — с жужжащими гитарами.

Вел. Москва
2002-15
нояб.-сн

Читательница
'Вечерней
Москва'
об
Земфира
улыбается
(защел)

ЗЕМФИРА. ТРАФИК ПОШЕЛ

Алекс ФЕДЕЧКО-МАКЕРИН

— Земфира выпускает спокойный альбом?

— Ну, он не нервный.

— Значит, не жалко тебе песен, затертых радиодифирами?

— Песен — нет. Себя

жалко, имя. Потому что оно, конечно, эксплуатируется. Но есть правила игры и есть ротация, которая помогает раскрутить пластинку. Поначалу, когда я с этим столкнулась, мне тоже было не совсем понятно, чем руководствуется рекорд-компания, выбирая ту или иную песню. Я бы запустила весь альбом, но пока у меня нет своего радио.

— У меня были две любимые песни Земфиры — «Румба» и «Хочешь?» Их так закрутили, что теперь я, услышав первый аккорд, тут же переключаюсь на другую волну.

— Что делать? Радиостанции в ответ на какие-то претензии музыкантов показывают бумажные талмуды: «Вот сколько запросов!» Они считают, что песня должна плотно крутиться в эфире не меньше, чем три-четыре месяца. И я не могу им что-то запрещать или советовать. Потому что это — совсем другая индустрия, другие правила игры. Они же не вмешиваются в музыкальный процесс. Почему я должна вторгаться в их работу? Тому же Козыреву (продюсер «Нашего радио». — Ю.А.) я говорю: «Миша, ну сколько можно?» Миша всегда отшучивается.

— Мне кажется, что если раньше Земфиру позиционировали как «девочку-скандал» (и песня пришлась кстати), то в последнее время скандалов вокруг Земфиры значительно поубавилось. Земфира перекрестилась (серьезно!).

— Я уже не знаю! Скоро буду изолянтот рот клеить! Я не понимаю, в чем дело, почему меня склоняют. Я стала настолько осторожна в своих высказываниях, что меня уже тошнит от собственной осторожности. Я могу естественно вести себя только в кругу очень близких людей. Но — таковы жертвы.

— Говорят, очень сложно проводить твои кон-

церты, что у тебя очень высокие требования к охране, организации.

— У меня очень высокие требования к одному — к аппаратуре, которую выставляют. К охране — это чушь собачья.

— Случившееся в Якутске — тоже чушь собачья? (Напоминаю, что во время концерта Земфиры в давке пострадало около десяти человек.)

— Это действительно было. Якутские милиционеры не справились с поставленной задачей и в итоге все спихнули на меня. Но — неважно. Я думаю, что мы совершенно справедливо находимся в разных лагерях

— милиция и музыканты. Слишком разнятся принципы тех и других.

— Как часто ты сейчас даешь концерты?

— Я вообще не концертирую. Уже одиннадцать месяцев.

— И как себя чувствуешь?

— Я хочу уже! Месяца два-три очень хочу. Но я зареклась, что поеду в новый тур только с новой пластинкой. Потому что есть ряд песен, из которых я уже выросла.

— Какие, например?

— «Ромашки». Песня — отличная, я считаю, веселая. Но мне уже двадцать пять лет.

— Ну, да. Ромашки, лютики...

— Какие лютики? Ромашки! «Лютики» — это не моя песня.

Земфира смеется и отшучивает ягоды от грозди винограда. Помимо блюда с виноградом, на столе стоит огромная пепельница и охапка наисвежайших тюльпанов.

— А тюльпаны эти тебе подарили?

— Да.

— Кто?

— Митрофанова.

— А что, сегодня праздник?

— Да, сегодня — выход сингла. Праздник, конечно, для меня.

— Почему, выпуская сингл, ты не используешь всякие примочки шоу-бизнеса, как, скажем, тот же «Мумий Троль»? Поклонники собираются на секретные концерты, устраиваются смотреть новости. Это же интересно!

— Хм! Начнем с того, что мы с Илей, конечно же, разные люди. У него больше во всем этом игры. У меня больше во всем этом серьезки. И это не хорошо и не плохо. Просто это данность характера. Это не значит, что я не могу к себе иронично относиться. Конечно, могу. Но мне кажется, вышел сингл и — хорошо. Сказали об этом в передаче, позвонили журналистам, пригласили: «Кому интересно, приходите! Сингл вышел!» Мне не кажется, что нужно делать из этого какую-то историю.

— Выход следующей пластинки планируешь оформить таким же образом? Или сделаешь это как-то по-другому?

— Не знаю. Но я не очень люблю такие вещи, могу честно сказать. Если говорить об игре, мне интереснее поиграть на компьютере.

— А какие игры ты любишь?

— Игрушки? Шарик. Я люблю складывать шарик в линии. У меня очень большой ре-

корд. Пять тысяч.

— Сколько ты сидела?

— Часов десять. Но я отходила. Встаешь, уходишь, компьютер не выключен, «окошко» открыто.

— Самые запомнившиеся события для тебя в этом году?

— Теракты. И концерт Muse.

— А в твоей жизни?

— Это тоже моя жизнь. Я настолько обалдела от терактов, что неделю, наверное, мне было не по себе, ходила ужасно грустная. В моей жизни? Ну вот, я начала делать альбом. Это самое важное событие. Потому что до этого я лежала и плевала в потолок.

— Концерт, о котором ты мечтаешь, — какой?

— Да я в данный момент уже мечтаю о любом концерте. У меня абсолютно нет зарубонов, что там должен стоять аппарат величиной с пятиэтажный дом или еще что-то такое. Хороший звук, хорошая публика — все, минимальные требования. Хочу сказать, что я сыграла много хороших концертов, за которые счастлива.

— И что, нет такого зала, где ты мечтала бы спеть?

— Нет, я не привязываюсь к каким-то легендарным местам. Без разницы. Все это не меняет сути концерта: вышел — публика.

— Я так понимаю, что гастрольный чек Земфиры начнется никак не раньше весны.

— Это не чек! Я считаю, что это единственная правильная позиция — когда ты едешь давать концерты, и у тебя начинается совсем другой кусок жизни. Вот у меня был кусок жизни длиной два года, когда я отыграла сто пятьдесят концертов.

— Устала?

— Конечно! Сейчас у меня период записи альбома, потом опять начнутся концерты. Я уже сделала вывод, что это нормальный круговорот в жизни любого музыканта. Мне очень не хочется быть артистом, которому звонят и говорят: «Ну, пошли в соседнем клубе сыграем. Нам дали 300 долларов», — и я кидая на плечи клавиши и бегу.

— Не только тебе, никому из артистов не хочется. Помимо пластинки, которой ты сейчас себя посвящаешь, чем ты еще занимаешься?

— Ну живу! Очень много времени тусую в Интернете. Потом у меня есть семья, которая живет в Уфе и которую я периодически навещаю. Безусловно, я смотрю телевизор. Безусловно, я болела за нашу сборную по футболу, которая теперь поедет в Японию и Корею. Еще меня очень удивил и порадовал наш президент, который владеет уже двумя языками — немецким и английским.

— Это без иронии?

— Без, абсолютно. Ну, немецкий — понятно: он же в Германии вышел, речь сказал. А теперь вот заговорил по-английски. Я рада. У нас никогда не было президента, который порусски-то говорит! А теперь — аж на трех языках!

— Земфира — фанатка Путина?

— Нет. Мне приятно, что у нас хороший президент. Я болею за «Спартак». Все, как у всех других людей. На тусовки не хожу.

— Где ты записываешь пластинку?

— Мы записывали ее в Питере, свели в Лондоне. Оставшуюся часть, наверное, запишем здесь, в Москве, и сведем по-прежнему в Лондоне.

— Дорогая запись?

— Очень. Она обходится дороже раза в три, чем если бы это происходило в России. Но я не могу придумать, куда еще можно вложить деньги. У меня не хватает мыслей, куда их потратить. Меня не интересуют казино, машины, яхты. Меня интересует, как можно сделать хороший звук. Вот! У меня есть мечта! Она называется — какой мне лучше сделать звук.

— Какой?

— Ну, я не могу сказать. Мне нравится очень, как записан Radiohead. У меня пока так не получается. Давай встретимся в январе, послушаем новый альбом, обсудим.

Ты мне предложишь снова быть вместе. Я промолчу исподлобья, робко. Все, возможно, могло быть иначе. Если б не эти ужасные пробки.